

Несмотря на то, что «он» выглядел как симпатичный мальчик, в драке он был настоящим тигрёнком, обладая невероятной силой. Хотя он казался выше и крепче Гао Тин, в реальной схватке Чжоу Цзяжун мог только получать удары.

Но «Небесный король» Чжоу не чувствовал себя униженным. Если не можешь победить, лучше сбежать, чем ждать, пока Гао Тин публично изобьёт тебя до слёз.

Делать то, что заведомо невозможно, — это глупость!

Янь Юхэн издали заметила движение на сцене и улыбнулась, но тут же услышала, как студенты в первых рядах подняли новую волну шума.

Эти студенты не обращали внимания на то, кто стоял на сцене — Гао Тин или Чжоу Цзяжун. Для них это были смельчаки, осмелившиеся нарушить запреты.

Для этих подростков, изо дня в день давимых школьным и семейным прессингом, всё это было новизной. И раз уж они вышли на сцену, то обязаны были что-то показать.

— Выступление! Выступление!

— Давай!

Крики становились всё громче, и даже ведущий у сцены, казалось, махнул рукой и присоединился к общему веселью, требуя, чтобы Гао Тин выступила.

Гао Тин, импульсивно ворвавшаяся на сцену, не думала об этом. Теперь, когда Чжоу Цзяжун сбежал, она осталась там одна.

Выступление?

Может, показать, как У Сун бьёт тигра?

Но тигр уже убежал, как же она может выступать?

Она стояла спиной к зрителям, поэтому её смущение и стыд не были видны. Но её кулаки, свисавшие по бокам, невольно сжались.

Янь Юхэн, хоть и была далеко, заметила это движение. Ведь она наблюдала за своим «гусёнком» с самого детства и знала все её произвольные жесты. Хотя она не видела лица, она могла догадаться, что Гао Тин сейчас смертельно напугана.

Она не могла усидеть на месте, поёрзала на полу, собираясь встать.

Но прежде чем она успела подняться, рядом сидящий Чжан Болтун прижал её обратно.

— Что ты делаешь? — Янь Юхэн даже не взглянула на него, не отрывая взгляда от сцены, и сердито спросила.

Чжан Болтун посмотрел на неё с упрёком, наклонился и зашептал:

— Смотри внимательнее. Не порть план Гао Тин, вдруг она действительно хочет выступить?

Какой у неё может быть план?

Другие могли не знать, но Янь Юхэн-то знала: она просто на эмоциях ворвалась на сцену. Какого там плана? Если только не опозориться.

Чжан Болтун не смог её удержать и отпустил. Как только Янь Юхэн встала, крики вокруг стали ещё громче.

Она сидела слишком далеко, чтобы слышать, что кричали студенты в первых рядах, но увидела, как спина Гао Тин напряглась, и та большими шагами направилась к закулисью.

Увидев, что её «гусёнок» сошёл со сцены, Янь Юхэн облегчённо вздохнула, хотя вокруг раздались разочарованные вздохи.

Она не придавала этому значения. Её дружба с Гао Тин не нуждалась в таких пустых подтверждениях.

Вздыхнув с облегчением, Янь Юхэн снова села.

Чжан Болтун был слишком занят, чтобы обращать на неё внимание, он колотил себя в грудь и громко ругал Гао Тин за отсутствие амбиций.

Янь Юхэн усмехнулась, ударив его рукой:

— Зачем ты лезешь не в своё дело?

Чжан Болтун не смотрел на неё, с досадой опустив голову на грудь.

В этот момент группа людей рядом с Янь Юхэн вдруг взорвалась, как будто в них влили адреналин, и начала визжать от восторга.

— Аaaa! Смотри!

— Янь Юхэн! Янь Юхэн! Быстро-быстро смотри!

Подружки рядом буквально впивались ей в тело, дёргая и хлопая по плечам.

Не только они, весь зал снова закипел. Шум был даже громче, чем при появлении «Небесного короля» Чжоу, крики были готовы снести крышу.

Янь Юхэн буквально силой развернули лицом к сцене.

Её «гусёнок», держа в руках трёхфутовую большую саблю, с величественным видом шёл в их сторону.

...

О том, что Гао Тин думала те несколько минут, когда стояла спиной к зрителям, знала только она сама. Если бы не опыт, приобретённый после истории с дедушкой, она вряд ли смогла бы так спокойно принять решение. Кроме того, после слов Янь Юхэн той ночью, Гао Тин лучше узнала себя.

Человек должен бороться за своё.

Чжоу Цзяжун был во всём превосходен, но у него были и слабые места.

Сейчас она держала в руках саблю, почти такую же высокую, как она сама, и, глядя на толпу внизу, думала только об одной фразе, которая только что прозвучала у неё в ушах.

Это были слова одного из студентов, кричавшего из зала.

— Чжоу Цзяжун может спеть для Янь Юхэн, а ты вышла на сцену, так сделай хоть что-нибудь!

Да, Чжоу Цзяжун пел для Ахэн.

Гао Тин глубоко вздохнула, закрыла глаза, и сабля в её руках повернулась, сверкнув под яркими огнями, источая холод.

Конечно, это была не настоящая сабля, а реквизит, оставшийся от прошлой программы, лёгкий и пустой внутри.

Но в руках Гао Тин она выглядела как настоящее божественное оружие.

Она умела не так уж много, но каждое её умение несопоставимо с той гитарой, на которой Чжоу Цзяжун играл так плохо. Это были настоящие приёмы, отточенные годами детских тренировок.

Кажется, члены семьи Гао от природы обладают необычайным талантом к боевым искусствам.

Этот талант, плюс многолетние усилия, делали выступление Гао Тин совершенно непохожим на показушные танцы с саблей. Каждое её движение несло силу, и те, кто сидел близко, могли даже слышать гул лезвия.

Шум в зале стих неизвестно когда. Когда Гао Тин начала выступать, некоторые ещё скептически усмехались, но после первого движения почти никто не смел открыть рот.

В это время в Хуаго популярность «кунфу» была на пике. И на международной арене, и в такой обычной средней школе не было человека, который не знал бы о китайском кунфу.

Несколько звёзд кунфу, вышедших из киноиндустрии Хуаго, были известны всему миру. И благодаря пропаганде фильмов о кунфу, от семидесятилетних старцев до трёхлетних малышей — кто не восхищался кунфу? Кто не мечтал о мире рек и озёр, где скачут белые кони и веет западный ветер?

Восхищение — это одно, мечты — другое, но когда такой мастер боевых искусств появляется прямо перед тобой, что остаётся делать, кроме того, что сидеть с разинутым ртом и аплодировать?

Чжоу Цзяжун заявил: можно ещё поёжиться от мурашек.

Он, прячась в углу и наблюдая за тем, как Гао Тин танцует с саблей, дрожал от страха и радовался, что сбежал вовремя.

Гао Тин закончила комплекс движений саблей, завершив его шпагатом.

Ошеломлённые зрители, наконец, опомнились и вспомнили про аплодисменты.

Под грохот неумолкаемых хлопков Гао Тин с высоко поднятой подбородком, с непревзойдённой гордостью подошла к краю сцены, ровно встала перед микрофоном и твёрдо произнесла:

— Янь Юхэн, я тоже тебя люблю. Может, ты выберешь меня?

У автора есть что сказать: Ахэн: Я считала тебя гусёнком, а ты...

Сегодня рекомендую японскую песню «Мы проводим время (Я пою в небо)».

<http://bllate.org/book/16703/1534424>